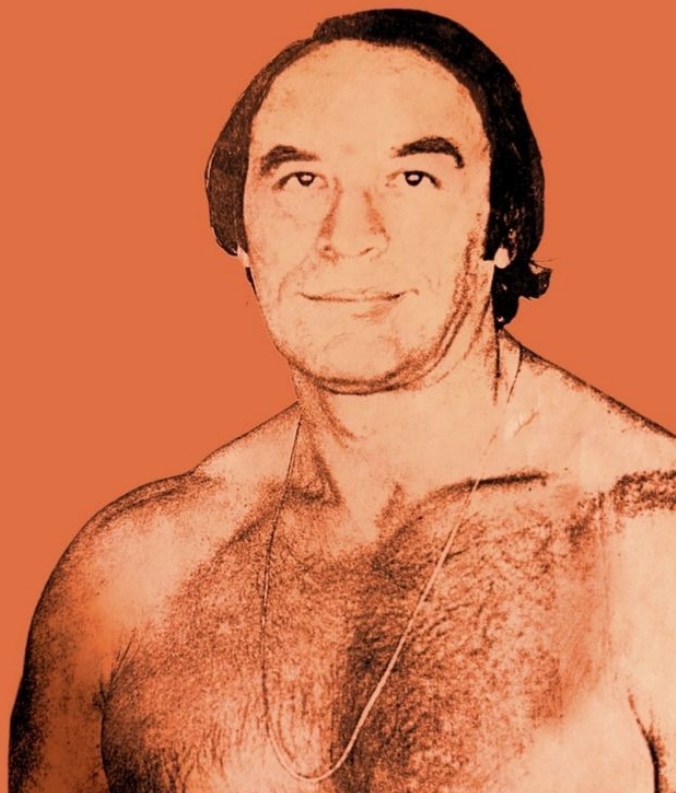


18+

Лев Мак

ЭПОХА НАДЕЖДЫ



Мак Лев

Эпоха Надежды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455909

ISBN 9785005920102

Аннотация

В этой книге моей рукой отобранные стихи разных лет, размещенные в хронологическом порядке их написания. Их всех объединяет название: Эпоха Надежды. Каждый из них отражает конкретное событие или чувство, когда-то обогревшее мне душу... С их помощью мне удалось с улыбкой прожить мою долгую, нелегкую, феноменально интересную жизнь, соединившую собою несколько трагических эпох. Впуская вас в нее, я доверяю вам.

Содержание

Молодой петербуржец	6
Сад	7
Больница	9
Река Енисей	11
Скамейка	13
Нора	15
Сизиф	17
Русь дремлет	20
Часы над нами	21
Окунь	23
Мрамор	24
Беглец	26
Второе рождение	28
Слово	30
Мать-мачеха	32
Кайф	34
Телетайп	35
Окончен бал	37
Цеху Русской поэзии, где бы он ни был	38
Фиорд	39
Год конца и начала	40
Сегодня в полночь	41
Залив в мазутной радуге	43

Развод и муза	44
В этом музее	45
Портрет победителя при Ватерлоо	47
Хронос	48
Душа	49
Наркоз	50
Тень тихой музыки моей	51
Радостно, грустно	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эпоха Надежды

Мак Лев

© Мак Лев, 2023

ISBN 978-5-0059-2010-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молодой петербуржец

Когда, беден и интеллигентен,
Вспучен комплексом неполноценности и тестостероном,
Быющим пенным ключом, молодой петербуржец,

Проснувшись по нужде и отжурчав,
Сонно тянется к гусиному перу,

Получается прекрасный Бродский,
Или, на худой конец, прелестный Мак.

Август 1962

Сад

Играет мальчик у скамьи,
Из сада делает букетик.
Сад осыпает его нимб
Последней горсточкою лета.

Сад сыплет под ноги беды,
Связав невидимым шпагатом
Любовь и смерть, огонь и дым,
Садовника с его лопатой.

Скрепляя дерево с золой
Ослепшей ласточки слюной...

Так пахнут птицами листья!
Так пахнет птенчиками пепел!
Так, обеспесенев, пусты
Деревья! Гулки и отпеты!

Сад терпит.
Сад торопит,
Сад,

Срывая ветхие одежды,
Садовников возводит в сан,

Садовников в садистах держит!.

Звенит последняя оса,
Дымит последняя охапка,

И сад, полузакрыв глаза,
Последней гусеницей каплет...

Октябрь 1964

Больница

Лицо, увлажненное сном
Рассталось с вчерашнею мукой:
Сожженный, разрушенный дом
Воздвигнут целебным вином, —
Любимые входят без стука.

Вновь сны, разгораясь, дарят
Надежды лекарственный запах,
Вновь музы бессмертье сулят,
И певчие птицы парят,
А не улетают на запад.

Покуда волшебной иглой
Проколота нищая вена,
Ты пляшешь удалый, хмельной
В обнимку с любимой женой,
В Эдеме, не ставшем золой,
С любовью, еще не изменой.

Но мрак за больничным окном
Враждебен тебе, божедом, —

Там с дьяволом Бог перемешан, —
Там ангелом с алым крылом

Твой Вий за ресницы ведом, —
Твой страшный рассвет неизбежен.

1. 16. 1968

Река Енисей

Милосердный снежок
Опустился на плечи конвою.
Капитан, как божок,
Красноморд, будто вымазан кровью.

Плачет бакенщик в горсть.
Смотрят бабы сурово и древне.
Ты был только лишь гость
В этом мире и в этой деревне.

На запястьях замок.
По плечам твоим встала охрана.
На прощальный гудок
Вздрогнул попик на паперти храма,

И рукой помахал...
Оглянись, осужденный на гибель:
Эта буря тиха,
Приторочена намертво к дыбе.

Так запомни в слезах
Эти головы, плечи и лица, —
Поклонись же в глаза
Человеческой этой пшенице, —

Кто виновен, что страх
Будто запах какой-то счастливый,
В этих белых домах,
Выбегавших прибоем к обрыву?..

В этой белой реке,
Позабывшей свои отраженья,
В этой белой руке,
У тебя попросившей прощенья?...

Отразившись в воде,
Насладясь перенесенной болью,
Поклянись же судьбе
Этой мукой, взятой добровольно,

Этой древней тоской,
Что осилила совесть и силу,
Этой вечной рекой,
Что, как время, течет сквозь Россию.

Май 1969

Скамейка

И. М.

Даже не вспомним, как жили —
Соря, суетясь, ревнуя —
До мгновенья того, когда рок иль случай
Замесил наши страхи и поцелуи

В крохотный красный сырой комочек,
Неожиданно выброшенный из жаркой сумки,
Беззащитный и нежный, как глаз без века,
Гневно требующий сна и ласки,

Забывающий все свои превращения,
Познающий единственную реальность:
Нежность матери, тяжесть пищи...

Вот он из нищей своей колыбели,
Как из аквариума, долго смотрит
Мимо нас, как мы ссоримся и стареем,
Оставляя местечко для его детства,

Подвигаясь на узкой короткой скамейке,
От которой отпиливает строгий ангел.

Апрель 1970

Нора

Там, где не слышна труба архангела.
Там, где болтливая ревность моих друзей
(кто с водкой, кто с девкой, кто с бритвой,
закрывшись на ключ)
Осуждает лодыжки моей жены,

Как будто не все равно им где, когда, зачем, почему
Меня нет, —
Как будто я выползу и закричу:

Братья по страху!
Вот укрытье от ос, больно жалящих гениев
и бродячих собак, —
Братья по страху, здесь сумрачно, тихо, тепло —
Здесь я, смертен и сыт, по утру с умилением гляжу
Как, топимая углем, полыхает на кухне плита,
У окна белый кокон пеленок в кровати,
там зреет мой сын,
А над ним дребезжат колокольчики,
грубо трещит попугай,
Здесь, ночами, для в судоргах сплетшейся плоти
Раздаются горстями награды...

Нате, вот вам – последняя щель

Между Еще и Уже,
Чтобы расстаться с душой, —
В тишине попрощаться как надо с душою:

Взяв за крылья, приблизить к лицу,
Расцеловать троекратно ее румяные щеки...

4. 11. 1970

Сизиф

Сизиф, сын Эола и Энорет,
Супруг плеяды Меропы,
Отец Главка, дед Беллерофонта,
Царь – строитель Коринфа,
Разбойник с большой дороги,
Святотатственный лжец,
Планы богов разглашавший на всех перекрестках,
Бражник, враль и обжора,
Выше всех добродетелей ставящий сок из лозы Диониса,
Оскорбитель Танатос,
Опоивший ее колдовскою отравой,
Дважды преданный жизни,
Единственный смертный, обманом покинувший Тартар,
Дважды в ад возвращенный,
Осужденный Богами на вечную муку,
Вечно прикованный к глыбе судьбы своей
невыносимой,
Раздираемый болями мышц, изнуренных
бессмысленной грубой работой,

Понял каторжник смысл своей каторги тяжелой, заметил,

Что как только в душе умирает надежда на выход из ада,
В тот же миг прибавляется в весе чудовищный камень,

а ГЕЛИОС – солнце

Бьет бичом по хребтам жеребцов своих пламенногривых,
Правит ближе к земле, иссушая озера и реки,
Осыпая колосья на жалких полях хлебопашцев,
Побуждая народы идти воевать друг на друга...

Захихикал Сизиф, задержавшись у самой вершины, —
Слава Зевсу! – прошамкал. – Как быть мне
с неожиданною гостьей?
Кто сказал: Ты свободен, Сизиф?..

Ведь кто-то сказал: Ты свободен!..

ТЫ СВОБОДЕН, СИЗИФ!.. – грянул голос.
В безоблачном небе
Поднялся над Олимпом дымок,
И исчез, будто приняли жертву:

ЗНАЙ, СЫН КРОНОСА МЕРТВ,
ИБО ПЛОТНИКА СЫН ВОЦАРИЛСЯ!..

Слава плотнику! – крикнул Сизиф,
и ступил на вершину.
Бог, амнистией мне даровавший, хвала и спасибо!

Знай, бессмертие казни моей было исполнено смысла, —
Я был гирей на чаше, что взвесила землю и небо!..

Что мне, старцу, свобода? Как быть мне

С свободой, румяною девкой?

Уголь ада,

Не скоро ль соскучусь в полях Елисейских?

Да будет

Вновь недоступна вершина для камня Сизифа!..

Так ответил Сизиф, сын Эола, строитель Коринфа,

Культы личности Зевса смиренная жертва,

Сыну Бога-Отца, строителю Нового Царства:

БОГИ НЕ ВЕЧНЫ! – сказал он.

БЕССМЕРТНА ЛИШЬ КАРА БОГОВ.

1971

Русь дремлет

Галактика бодрствует, когда Русь дремлет.
Сверху глядит на нее, и диву дается:
Почему ей снится тюрьма и кремль,
Когда июль на дворе, и дерзкая птица

Соловей раскалывает кастаньеты,
И ночные цветы потягиваются порочно, —
И только поэты, только поэты
Пялятся в ночь и бормочут склочно?..

Я бормочу. Луна как свеча над листом бумаги.
Окна распахнуты. Пахнет травую.
Ни ветерка, и в глазах собаки
Зияние. Сейчас завоюет.

Катится звезда и играет в ящик.
Цикады хлещут струной по почкам.
Все слова в словарях и гортанях спящих,
Немота, и нельзя дописать до точки.

8. 3. 1973

Часы над нами

Мы заломили ветви,
Рассыпали золу,
Мы расстелили ветошь
На каменном полу.

Кончался день воскресный
За крохотным окном.
Горланило предместье,
Звенел стеклянный лом,

Шла по басам гармонья,
Свисал аэростат...

Над уличною вонью
Светился циферблат, —

Над карканьем вороньим,
Над бранью площадной, —
Над нашей любовью,
Над нашей виной, —

Натянутые путы,
Направленные псы!..

Сосчитаны минуты,
Отмерены часы.

Последнего ночлега
Скупая болтовня...

Скрипела стрелка века
И старила меня.

Октябрь 1973

Окунь

Пар из пасти луны поднимается ввысь. Облака
Громко шуршат, задевая небесную твердь.

Я в Калуге декабрьской, где камнем замерзла Ока,
Где, как окунь в Оке, жду весны,
погрузившись во смерть...

Был ершист и драчлив, – а теперь я никто и ничей.
Затаившись во льду, не считаю ни дней, ни ночей.

Но придет половодье, – и от щучьих державных очей
Я укроюсь в весенний, кипящий свободой ручей.

12. 2. 1973

Весна 1974

Беглец

Разливаются реки,
Плещут флаги в советской толпе, —
Из варягов и греков
Все дороги ведут в КГБ.

Из обители скверны,
Где обидчиков речи скверны,
Уношу непомерный,
Невидимый камень вины, —

Оставляю в юдоли
Смех детей, — их невинны сердца, —
Стены отчего дома,
Слезы матери, стоны отца, —

В тальниках нехороших,
По ночам, от села до села,
Проползла моя ноша,
Смерть ярилась, но не догнала, —

По степи заповедной,
Где аркан и стальная стрела,
Где с кургана заметно,
Как погони петляет метла, —

Поперек горизонта,
Вдоль серебряных северных рек, —
До Эвксинского Понта,
Где Италии брезжится брег, —

Но, победой побега,
Запаленно и гордо дыша,
На границе с разбега, —
Возрыдав, – оглянулась душа...

Там родная земля,
Облаков не стирая с лица,
Колоском ковыля
Заметала следы беглеца.

1978

Второе рождение

Вот камера, в чью медленную бездну
Пал мой отец, измученный болезнью.

Транзит его отчаянья и страха
В последнюю юдоль, где горсти праха
Стать глиной новой жизни суждено, —
Какой гончар нальет в нее вино?

Здесь будущее капает из крана.
Здесь – навсегда и присно – слишком рано
Итоги подводить поспешной тризной, —

Здесь склад небытия, и мой визит
Отменой постулатов дарвинизма,
Устами мертвых расколол гранит.

Реестр бессрочно сосланных, запас
Прожорливой осы, в миллиардах камер
Закрывшей на засов триллионы глаз:

Смерть – обморок свободы, умер – замер.

Восток алеет, иль щека?
Зовешь себя издалека.

То ветра гул, иль крови свист?
Смерть – контрабанда, жизнь на бис.

Лежать и слышать: вдалеке
Хрустальный ключ хрустит в замке.

1978

В остывшее за ночь жилье,
Не тело с земли поднимает,
А честное слово свое.

Январь 1978

Мать-мачеха

Мать-мачеха, ищи на склоне дня
Мои следы в твоих лугах росистых,
А хочешь, – проводи разбойным свистом...
Но никогда не проклинай меня.

Пересекая землю на крылах
Авиалайнера, я вспоминаю лица,
Что только в страшном сне могли присниться,
И через тридцать лет внушают страх.

Мой Вий был подполковник КГБ
Одесского уезда. Славный парень,
Он, парт-орды заслуженный татарин,
Был многотрудный член ВКП (б).

О стал Твой стражник, хахаль и кобель,
Мать-мачеха, он растоптал наследство
Твоей любви, отрочество и детство,
И отравил все мысли о Тебе...

Скажи: люблю, скажи!
Наперевес
Всей силе тяготения земного,
Его штыкам, окопам и оковам,

Парит негромко сказанное слово,
Как ласточка, слетевшая с небес, —

И облетает мерзнувший конвой,
Неся во рту запрет возобновиться,
Моей душой кормящаяся птица
Надежды на свидание с Тобой.

Июль 1981

Кайф

Наркотик останавливает флирт
С реальностью, и затворяет двери,

Включает ослепительный софит
Над местом, где живет душа и вера...

Бесстыжен и блажен, ты слеп и наг.
И самому себе отец и враг.

Июнь 1984, Богота, Колумбия

Телетайп

По вопросу сигналов из космоса
Созван форум из сотни стран.
Как Россия подарков Сороса,
Ждет Земля инопланетян.

Средь участниц: Замбези и Косово,
Украина, Афганистан.

«Приходите и владейте
Нами, – дом наш уже горит.

Новой алгеброй нас залейте,
Подарите нам алгоритм
Благоденствия и покоя, —

Мы устали покоя ждать!
Друг от друга мы ждем такое,
Что словами не передать...

Мы готовы к вам, – прилетайте.
Путь в грядущее указать...»

Но бела строка в телетайпе,
И навеки пусты небеса.

Окончен бал

И. Б.

Он говорит нам: я устал.
Освобождаю пьедестал.

А мы ему: постой, Иосиф!
Зачем скандал?!
Ведь мы тебя сойти не просим!..

Но вдруг его уже выносят.
Окончен бал.

2. 26. 1996

Цеху Русской поэзии, где бы он ни был

Что ж, скажу напоследок – толь презренья набравшись,
Толь присутствия духа, —
Ибо эпоха сменилась и стала другою,
А с нею и качество слуха:

Когда мои книги, носители жизни и смеха,
Вдруг скроются в Лете, —
А стихи и поэмы пойдут самиздатом по свету, —

Знайте: будто след в стратосфере
От громово взлетевшей ракеты,
Долгому между вас после них расходиться эху.

Нет, не креститесь от страха, —
Но не поминайте их лихом!..

7. 11. 1996

Фиорд

Ледяное озеро в шхерах фиорда.

Череда друг за другом

выступающих с разной четкостью складок

Гор: чем бледнее, лиловей, тем отдаленней:

Зимний памятник Скандинавии нежной,

Снежнокозой красавицы в жаркой шубе песцовой,

Каждую полночь мановеньем руки

опускающей над океаном

Фосфоресцирующий льющийся занавес

люминесцентных огней...

11. 3. 1996

Год конца и начала

Весь этот год африканский ветер,
Преодолев океан и радары НАТО,
Жарко рыгал в лицо, пах желудком шейха,
Забирался под юбки и шелушил веснушки
Еврейским девушкам на Фейрфаксе, —

Цена на бензин взлетала, и даже луна, —
Мутной заколкой в чалме облаков, —
Цепенела над сладострастно живыми,
Будто полог гарема, парчевыми волнами моря...

Год конца и начала, двухтысячелетья
Тщетного ожиданья Мессии,
Суеты, интифады, пошлейшей сплетни,
Ежесекундной мечты о разводе.

11. 14. 1999

Сегодня в полночь

Все смотрят на часы: сегодня в полночь!..

В провинциальном городке у моря,
Где я живу, пророчествам не веря,
Народ рассыпался по площадям и пляжам,
Расселся семьями в приморских парках, —

ждать,

Заламывая руки, появленья
Одной из бед, предсказанных Пророком:

Сошествия огня с небес, разрыва
Озоновой дыры, оледененья,
Явления антихриста, цунами,
Паденья метеора в океан...

Я вышел на балкон взглянуть на небо.
Пробило полночь. Надо мной луна,
Бесцеремонно умаляя звезды,
Безоблачно, бесстыдно, беспристрастно,

Невозмутимо всматривалась в
Прощальную эротику туземцев:

Упав в траву, заткнув цикадам глотки,
Попарно, не стыдясь и не скрываясь,
Все школяры и школьницы предместий,
Карнальным треньем поджигая ночь,

Дают ответ пророчеству, – на всякий
Пожарный случай, – чтоб ему не сбыться!..

Кусты шевелятся, плач переходит в шепот,
Рыдания затихают. Слышен даже
Вздых облегченья, и смешок-другой... .

Наутро солнце, вырвавшись из вод,
Как мяч со дна бассейна, засияло
В другом тысячелетии, – чтоб все

Самоубийства и совокупленья
Его приход почтившие, прославить

Все тем же жаром и все тем же светом,
Неуклонимо посланным на Землю

Все тем же Богом, с тем же равнодушьем
Дарующим отчаянье и жизнь.

1. 4. 2000

Залив в мазутной радуге

Залив в мазутной радуге – везде
Павлиньи перья, побежалость стали,

И волны шевелятся, как во сне,
Отяжелев от золотой эмали.

Теперь добавьте к этому рассвет, —
Когда лучи его в ночи настали!

Страшнее и красивей моря нет.

Я пробовал живописать: не дали.

2001

Развод и муза

Небо огромно. Внезапно взлетевший голубь
Растворится в нем, как в океане соль.

Меня убивают проблемы семьи и пола.
Развод? Но развод означает боль, —

Для всех! И запоется ли снова?
Чтобы узнать, нужно выйти на пенсию,
И попробовать выжить, пища.

Что бы ни то ни было, я узнаю по первой же песенке
Не ушла ль, сохранилась ли в ребрах душа.

Жаль детей, ибо бедность, конечно, надолго.
А с другой стороны – свобода. Но перевесит ли?

Здравствуй, старая Муза.

Прости, что на дальнюю полку
Я отложил наши игры, будто сжег корабли.

4. 12. 2002

В этом музее

В этом музее

Собраны клоны голов великих мыслителей, с целью

Сделать лучший биокомпьютер для предсказаний

Грядущего.

Всего восемнадцать.

Они живые.

Половина из них – евреи.

Каждая заключена в свой хрустальный,

Оснащенный кислородом, водою и кофе ящик.

Каждые двадцать часов в течении суток,

Они компютируют, опровергая друг друга,

Доказательно ссорясь, маша фантомными кулачками.

Кроме часа еды и часа покоя,

У них есть два часа наслаждения

(с помощью проволок,

Воткнутых в центр удовольствия,

Вживленных в каждый великий и уникальный мозг).

С благоговеньем, прижав ладони к груди,

Я однажды всмотрелся в улыбку nirваны —

Счастья и боли – посередине

Большой бороды Аристотеля, —

и понял

Что в эти минуты он испытывает оргазм.

Но когда под потолком помещения дробно забило светом,

Улыбка исчезла.

Еще! – попросил Аристотель.

Вошедший техник,

Щелкнув тумблером, торжественно и веско

Произнес:

Время кончать!..

Товарищи гении! Вас ждут великие дела!

1. 4. 2003

Портрет победителя при Ватерлоо

Салют герою!

Говорят, он обязан победе не гению, а геморрою
Наполеона.

Говорят, Император
Столь пострадал, взобравшись на лошадь,
Что не заметил
Разрыва левого фланга у Веллингтона!!!

Не так ли и ты, философ,
Своими проблемами докучаешь Богу,
Покуда он занят своими делами?..

1. 5. 2003

Хронос

Дать рвотное Черной Дыре —
Хроносу, Времени, что

Пожрало причинность, материю
И прочих детей своих, —

Чтоб тошнота сошла на чудовище,
И оно извергнуло все,
Что кануло в Лету, что новым грядущим
Не стало для нас с тобой, —

Как и для тех, кто от его обид и потех
Изнемог и отчаялся...

то-есть, всем и для всех, —

– Чтоб ожили снова слова из проглоченных
смертью бесчисленных ртов,
Чтобы высохли слезы бесчисленных глаз,
чтоб снова сомкнулись
Птицы бесчисленных рук,
разомкнувших объятья навеки...

2. 3. 2003

Душа

Я с нею встретился во сне – она
Мне крикнула из Райского предела,
Что взвешена была и прощена,
И Божии весы не тяготела, —

Один из редких случаев, когда
Душа, по прохождении сквозь тело,
Улучшилась, как серебром вода...

Но я проснулся вдруг, как от толчка.

Душа моя со мной лежала рядом,
Слегка дымясь, черна, и пахла Адом
Ее полусожженная рука.

6. 22. 2003

Наркоз

Огонь не отрицает жженья,
Уничтожения примет.
Я знаю жизни убавленья
В том, как тускнеет белый свет, —
Я вижу смерти приближенья
В неразличеньи милых черт...
Твое лицо еще пыталось
Гореть на облаке ночном...
Но это все, что мне осталось
Между сознанием и сном.
7. 24. 2003

Тень тихой музыки моей

Тень тихой музыки моей,
Мое интимное пространство, —
Мне с ней не страшен магний дней,
Мрак ночи, судороги страсти, —

А ей со мною не страшны
Допросы ангелов небесных,
Взгляд раскаленный сатаны, —
Преображенья свет отвесный.

2004

Радостно, грустно

Джошуа

Анонимный автор престранных стихов и прозы,
Вегетарианец, страдающий от сахарозы,
Мечтающий пережить только что начавшийся век,
Восемнадцатилетний мальчик, мой сын, человек

Грядущего, моего тела и духа клон, —
Отрицает отца, от отца отстраняется он.

Сыт по горло фольклором о деяньях моих тут и там,
Он хочет меня превзойти, не идя по моим стопам.

Черным, блестящим волосом его покрывается грудь.
Моя – седеет.

Свеж и гладок, его расширяется путь.
Мой – черствеет.

Он уже в никуда ведет, этот путь, в то самое никуда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.